

А. П. Окладников. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974, 168 стр.

Два последних десятилетия были отмечены крупными успехами в изучении замечательных памятников культуры народов Сибири — древних и средневековых наскальных рисунков. Наибольшая заслуга в их исследовании принадлежит А. П. Окладникову, который опубликовал серию монографий о наскальных рисунках Северной Азии — результат его поистине неутомимых многолетних изысканий, начатых еще в предвоенные годы¹. Им обследованы многочисленные петроглифы на огромной территории — от бассейна Енисея до берегов Тихого океана и от степей Центральной Азии до Заполярья. Никто из предшественников А. П. Окладникова не придавал такого размаха изучению петроглифов Северной Азии, не вложил столь много энергии в это дело.

Рецензируемая книга продолжает эти работы. Она содержит подробное описание и историческую интерпретацию древних и средневековых наскальных рисунков, сохранившихся на берегах Байкала. Особый интерес к этим памятникам объясняется не только их большой историко-культурной ценностью, но и тем, что район, прилегающий к Байкалу, является сложнейшим, крайне важным для этнической истории Сибири и вместе с тем недостаточно изученным этногенетическим узлом, с которым уже в древности были связаны исторические судьбы многих народов Северной и Центральной Азии — тунгусских, тюркских, монгольских, а возможно и самодийских.

Впервые петроглифы Байкала были открыты сравнительно давно — более ста лет назад, но, как вполне справедливо отмечает А. П. Окладников в предисловии к своей книге, они, тем не менее, до последнего времени оставались загадочными. Неясен был их возраст, никто всерьез не занимался их стилистическим и семантическим анализом. Основное внимание в рецензируемой книге и посвящено разработке этих важных и вместе с тем чрезвычайно интересных проблем.

Книга состоит из предисловия; пяти разделов, в которых рассматривается история изучения и дается детальное описание наскальных рисунков в байкальских бухтах Саган-Заба и Ая, на горах Сахюртэ, Орсо и в районе улуса Елгазур; большого раздела, посвященного семантике и датировке петроглифов Байкала; завершает книгу краткое заключение. Книга иллюстрирована многочисленными рисунками и фотографиями наскальных изображений, включает схемы расположения отдельных рисунков на скалах и схематический план местонахождения байкальских писаниц. Монография написана на основе обширного фактического материала, собранного А. П. Окладниковым во время многократного обследования байкальских писаниц, а также обобщения всех имеющихся литературных свидетельств об этих памятниках, в том числе работ предшествующих исследователей этого края Н. Н. Агапитова, Б. Э. Петри, Т. И. Савенкова, П. П. Хороших и др. Привлечен также интереснейший фольклорный и этнографический материал.

Значительное внимание в книге уделяется рисункам в небольшой байкальской бухте Саган-Заба. Автор выделяет среди них как ранние, так и более поздние петроглифы. К наиболее ранним отнесены антропоморфные фигуры, изображенные фронтально, с широкими плечами и как бы треугольным туловищем, со слегка согнутыми в коленных ногах и различным положением разведенных рук. Эти фигуры А. П. Окладников справедливо рассматривает как изображение танцующих людей, причем их позы характерны для традиционных танцев Востока, где главная роль принадлежит символике рук. Сопоставляя архаичную группу рисунков из Саган-Заба с другими памятниками эпохи бронзы Сибири, и прежде всего сейминского типа в Западной Сибири и глазковского типа в Восточной Сибири, автор приходит к выводу о том, что их можно датировать II тысячелетием до н. э. Этот вывод подкрепляется открытием в той же бухте Саган-Заба поселения с характерным инвентарем этого времени.

Вместе с тем нельзя не согласиться с подмеченным автором неожиданным созвучием антропоморфных фигур из Саган-Заба и древнеегипетских фресок, среди которых мы видим такие же мощные нагие торсы, широко развернутые плечи и фронтальность туловища. Эти сопоставления с далеким Средиземноморьем можно расширить: так, в памятниках древней Аттики мы, например, видим очень близкие по стилю и композиции фигуры обнаженных плакальчиков на знаменитой амфоре из Дипилонского некрополя в Афинах (VIII в. до н. э.)².

К более поздней группе относится, в частности, изображение скачущего оленя с поджатыми ногами и огромными закинутыми назад рогами. Такие фигуры оленей

¹ А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959; А. П. Окладников. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. I, Л., 1969, ч. II, Л., 1970; А. П. Окладников. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971; А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища томских писаниц. М., 1972; А. П. Окладников. Петроглифы Сакачи-Аяна. М., 1974, и др.

² Б. Р. Винпер. Искусство древней Греции. М., 1972, рис. 63.

были характерны для скифского искусства на огромной территории евразийских степей в I тысячелетии до н. э.

Ряд наскальных изображений в байкальской бухте Ая во многих отношениях близок рисункам в Саган-Заба и сюжетно и стилистически. Такова, например, выбитая здесь большая фигура человека, показанного в фас, с округлой головой, увенчанной разведенными в стороны рогами, треугольным мощным туловищем с широкими плечами и узким тазом. Однако выполнена она не силуэтом, а контурными линиями (табл. 26а) в так называемом «скелетном» стиле, характерном для определенного круга сибирских петроглифов.

Среди рисунков на горе Сахюртэ, включающих антропоморфные изображения и фигуры животных, автор выделяет самые ранние из байкальских петроглифов. Это реалистичные изображения двух лосей во время гона, которые по аналогии с подобными фигурами на петроглифах Ангары и Лены датируются каменным веком. Такую датировку автор обосновывает не только тем, что сходны стиль и характер композиции (пара лосей, лось-самец преследует самку), но и тем, что у подножья скалы обнаружена мастерская-каменоломня, существовавшая здесь в каменном веке.

Очень интересны и петроглифы на горе Орсо, в пади Малая Орсо, а также на скалах в районе улуса Елгазур, изображавшие людей и животных, главным образом изюбрей. Среди этих петроглифов имеются более ранняя и более поздняя группы, причем последняя, хотя и небольшая, но очень выразительная, бесспорно относится к средневековью и позволяет дать характеристику позднейшего этапа в развитии наскального изобразительного искусства местных племен.

Наряду с археологическими в монографии рассматриваются и чисто этнографические проблемы, точнее — те сюжеты, в которых видна своего рода стыковка археологии и этнографии. Так, касаясь вопроса об идейном содержании наскальных рисунков на берегах Байкала, А. П. Окладников присоединяется к мнению исследователей бурятской культуры М. Н. Хангалова и Б. Э. Петри о том, что в их основе лежат шаманские представления. Ряд рисунков автор связывает с культом плодородия. Так, одно из изображений в Саган-Заба А. П. Окладников вполне обоснованно считает фигурой женщины, показанной в момент родов. В подобных наскальных изображениях отражено, по мнению А. П. Окладникова, стремление усилить магическими приемами производительную силу человеческой общины и животного мира.

Обращаясь к шаманским материалам, А. П. Окладников пишет об очень глубокой древности шаманского комплекса, полное сложение которого он относит к началу I тысячелетия до н. э. (стр. 100). Автор монографии несомненно прав, считая, что известное нам в Сибири шаманство с его мифологией и ритуалом сложилось в Северной Азии и отчасти в Центральной Азии в зоне контактов между племенами тайги и степей (стр. 99). Изучение истории шаманства, причем не только на основе археологических, но и этнографических материалов и письменных источников, все в большей мере свидетельствует о том, что известные нам формы развитого сибирского шаманства сложились на стыке степных и лесных культур. Однако вопрос о времени полного сложения шаманского комплекса, в особенности его развитых форм у южно-сибирских народов, вряд ли может считаться окончательно решенным. Имеются серьезные основания полагать, что процесс сложения развитых форм шаманства в основном завершился лишь во второй половине I тысячелетия н. э.³ Вместе с тем возможность существования уже в рассматриваемую эпоху определенных форм шаманства, сохранившихся до первой четверти XX в., вряд ли может оспариваться, и трактовка А. П. Окладниковым ряда байкальских рисунков как связанных с шаманством вполне правомерна и весьма убедительна. Привлекая археологические, фольклорные и этнографические источники, А. П. Окладников связывает бурятские шаманские ритуалы и мифологию шаманистов с теми сюжетами, которые обнаружены на наскальных изображениях. Это и ритуальные танцы шаманов с характерными для них атрибутами, и изображение женщин-лебедей, которые столь ярко сближают древние фрески с аналогичными сюжетами в мифологическом творчестве бурятского народа.

Не имея возможности рассматривать здесь все «шаманские» рисунки, детально анализируемые автором книги, позволим себе в качестве примера поразительных связей ряда байкальских петроглифов с сибирским шаманством остановиться на очень интересной антропоморфной фигуре из бухты Ая, выполненной в «скелетном» стиле и упомянутой выше. Она изображена с небольшим рогообразным возвышением на голове и несколькими полосами, прикрывающими большую часть «лица». На широко развернутых плечах имеются загадочные выступы, слегка расширенные в верхней части. Рядом с фигурой показаны змеи. На ее туловище отчетливо изображены «позвоночник» и «ребра». А. П. Окладников бесспорно прав, трактуя их как оформление шаманского костюма и ссылаясь при этом на описание якутского шаманского плаща, для которого характерно изображение подобного «скелета». Несомненно справедливо и отнесение изображенных здесь змей к шаманским принадлежностям. Действительно, у якутов, тувинцев и некоторых других сибирских народов к шаманскому плащу пришивали изображения — вместилища духа змей, считавшегося одним из наиболее сильных помощников шамана. Однако хотелось бы отметить, что, пожалуй, наи-

³ С. И. Вайнштейн. Тувинское шаманство. М., 1964, с. 10—17.

более близкие аналогии этой фигуре, позволяющие раскрыть семантику не только «скелета» и «змея», но и некоторых других деталей изображения, обнаруживаются в шаманском костюме восточных тувинцев. Так, по аналогии с ним можно считать, что фигуру из Ая увенчивает головной убор, в верхней части которого имеются разведенные в стороны, но сшитые у основания длинные орлиные перья, а на лицо опускаются жгуты-ленты. На плечах фигуры видны обращенные вверх пучки перьев, олицетворяющие птичью ипостась шамана. Близость ряда деталей ритуальной одежды шаманской фигуры из бухты Ая к таковым у восточнотувинских шаманов свидетельствует о значительной древности традиции облачения у последних. Вместе с тем, учитывая, что «скелет» и некоторые другие особенности, присущие костюму восточнотувинских шаманов, известны также тунгусам, эвенкам, селькупам, якутам, кетам, в этногенезе которых участвовали компоненты, связанные в той или иной мере с пребыванием в обширном районе от Саян до Байкала, есть основания полагать, что шаманский костюм древнего прибайкальца, столь реалистично переданный в уникальной фигуре из Ая, был характерен не только для предков бурят, но и для всего древнего населения этого региона Южной Сибири.

Ряд параллелей в шаманской мифологии бурят и байкальских петроглифов, рассмотренных в рецензируемой книге, чрезвычайно интересен и свидетельствует о глубоких местных корнях бурятской культуры.

Разумеется, у читателей может возникнуть вопрос, как оказались в мифологии бурят сюжеты, восходящие к эпохе бронзы, если в то далекое время на берегах Байкала не только не было бурят, но и их ближайших предков. Ведь сам А. П. Окладников утверждал в своих предшествующих работах, что ядро бурятской народности составили монголоязычные переселенцы из степей Центральной Азии, появившиеся на берегах Байкала не ранее X—XI вв. Отвечая на этот вопрос, А. П. Окладников в рецензируемой монографии подчеркивает, что становление бурятской народности как этнографического целого шло сложными путями: на древнюю этническую основу и древнюю таяжную культуру, уходящую корнями не только в бронзовый, но и в каменный век, наслоились со временем новые элементы — степные, связанные сначала с тюрко-, а затем и с монголоязычными группами, которые влились в состав аборигенного населения. Вместе с тем в монографии большое внимание уделяется и другой стороне культурного развития местных племен — их культурным связям, далеко выходившим за пределы Прибайкалья. Байкальские петроглифы позволяют говорить о культурных контактах создавших их племен II и начала I тысячелетия до н. э. не только с населением соседних областей Сибири, но также районов, расположенных далеко на запад — Карелии, Прибалтики, вплоть до Скандинавского полуострова. Такая же непрерывность в распространении культурных элементов, как подчеркивает автор монографии, связывает Южную Сибирь и Забайкалье с Центральной и Средней Азией, что отражает существование уже в эпоху бронзы, а возможно, и ранее, широких по масштабам культурно-этнических контактов между древним населением этих областей Евразии.

Заканчивая чтение этой увлекательно написанной и очень содержательной книги, нельзя не согласиться с ее заключительными строками: «Самый главный вывод из всей суммы частных фактов имеет еще более широкий и общий характер. Он подтверждает, что в конечном счете все богатство нашей культуры есть результат коллективного творчества народов всей планеты — общее дело и достижение всего человечества».

С. И. Вайнштейн

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, 272 с.

Ленинградское отделение издательства «Наука» выпустило в свет новую монографию Ю. В. Кнорозова «Иероглифические рукописи майя», которая представляет собой итог многолетней работы автора по анализу и прочтению трех уцелевших рукописей индейцев майя, относящихся к XII—XV вв. н. э. Эта книга служит непосредственным продолжением монографии того же автора — «Письменность индейцев майя» (М.—Л., 1963), где содержатся факсимиле упомянутых рукописей, принципы их дешифровки, основы майяской грамматики и словарь старого языка юкатанских майя.